

81
Т53
ТФ

ПОСМЕРТНЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО.

Томъ III.

ХАДЖИ-МУРАТЪ.
ДВА СПУТНИКА.
ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШАГО.
О СУДѢ.
ВСТУПЛЕНИЕ КЪ ИСТОРИИ МАТЕРИ.
ЗАПИСКИ МАТЕРИ.
ОТЕЦЪ ВАСИЛИЙ.
КТО УБІЙЦЫ?
ІЕРОМОНАХЪ ИСИДОРЪ.
ХОДЫНКА.
ДВѢ РАЗЛИЧНЫЯ ВЕРСІИ ИСТОРИИ УЛЬЯ.
НЕЧАЯННО.

ИЗДАНИЕ
АЛЕКСАНДРЫ ЛЬВОВНЫ ТОЛСТОЙ.

T 53

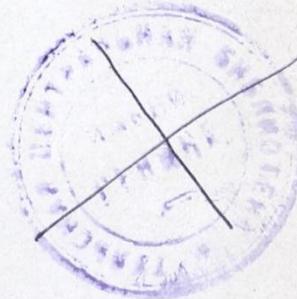
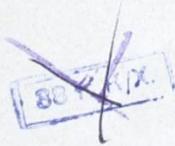
ПОСМЕРТНЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ В. ЧЕРТКОВА.

Томъ III.

ХАДЖИ-МУРАТЪ.
ДВА СПУТНИКА.
ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШАГО.
О СУДѢ.
ВСТУПЛЕНИЕ КЪ ИСТОРИИ МАТЕРИ.
ЗАПИСКИ МАТЕРИ.
ОТЕЦЪ ВАСИЛИЙ.
КТО УБІЙЦЫ?
ІЕРОМОНАХЪ ИСИДОРЪ.
ХОДЫНКА.
ДВѢ РАЗЛИЧНЫЯ ВЕРСІИ ИСТОРИИ УЛЬЯ.
НЕЧАЯННО.

157977 - 149
246247

изданіе
АЛЕКСАНДРЫ ЛЬВОВНЫ ТОЛСТОЙ.

1912

МУК «Тульская
библиотечная система»

ДР
190

Перепечатывать разрешается безвозмездно.

Настоящий III томъ посмертныхъ художественныхъ произведеній моего покойнаго отца **Льва Николаевича Толстого** появляется въ моемъ изданіи, предпринятымъ соотвѣтственно даннымъ имъ мнѣмъ указаніямъ, при чмъ чистый доходъ съ этого изданія будетъ употребленъ согласно волѣ **Льва Николаевича**.

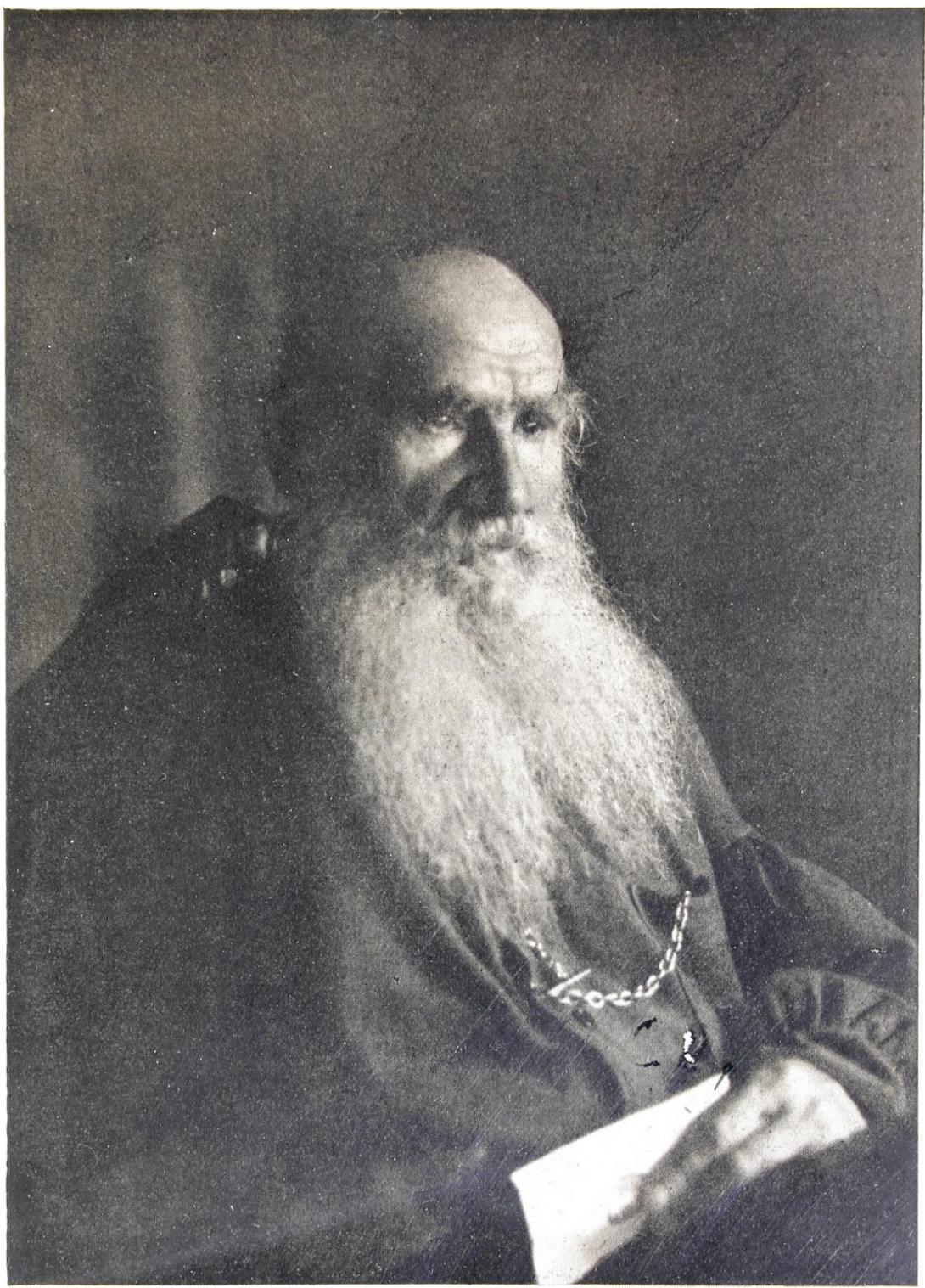
Не признавая за собой нравственного права запретить перепечатку настоящаго изданія, я, тѣмъ не менѣе, въ интересахъ достиженія наибольшаго материальнаго успѣха этого изданія, что желательно ради тѣхъ цѣлей, которымъ это изданіе должно служить, обращаюсь ко всѣмъ издателямъ и лицамъ, желающимъ воспользоваться этими произведеніями, съ просьбой, во имя исполненія послѣдняго желанія **Льва Николаевича** въ связи съ его писаніями, повременить съ выпускомъ своихъ изданій выпускаемыхъ мною произведеній въ теченіе полгода, считая со времени выхода этого тома моего изданія, т.-е. до 5 юля 1912 года.

АЛЕКСАНДРА ТОЛСТАЯ.

103

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
Москва.—1912.

ФОТОГР. В. ЧЕРТКОВА.

ЯСНАЯ ПОДЛЯНА 1907 г.

Я называю myself
тише некуда говорить,

ХАДЖИ-МУРАТЪ¹⁾.

¹⁾ См. примѣчаніе 1-е.

Я возвращался домой полями. Была самая середина лѣта. Луга убрали, и только что собирались косить рожь.

Есть прелестный подборъ цвѣтовъ этого времени года: красныя, бѣлые, розовыя душистыя, пушистыя кашки; молочно-бѣлые, съ яркой желтой серединой «любишь не любишь», съ своей пріятной пряной вонью; желтая сурѣпка, съ своимъ медовымъ запахомъ; высоко стоящіе лиловые и бѣлые тюльпановидные колокольчики; ползучіе горошки; желтые, красныя, розовыя скабіозы; лиловый, аккуратный, съ чуть розовымъ пухомъ и чуть слышнымъ пріятнымъ запахомъ подорожникъ; васильки—ярко-синіе на солнцѣ и въ молодости и голубые и краснѣющіе вечеромъ и подъ старость; и нѣжные, съ миндалевиднымъ запахомъ, тотчасъ же вянущіе цвѣты повилики.

Я набралъ большой букетъ разныхъ цвѣтовъ и шелъ домой, когда замѣтилъ въ канавѣ чудный малиновый, въ полномъ цвѣту репей того сорта, который у насъ называется «татариномъ» и который старательно окапываютъ, а когда онъ нечаянно скрошенъ, выкидываютъ изъ сѣна покосники, чтобы не колоть на него рукъ. Мнѣ вздумалось сорвать этотъ репей и положить его въ середину букета. Я слѣзъ въ канаву и, согнавъ впившагося въ середину цвѣтка и сладко и вяло заснувшаго тамъ мохнатаго шмеля, принялъся срывать цвѣтокъ. Но это было очень трудно: мало того, что стебель кололся со всѣхъ сторонъ, даже черезъ платокъ, которымъ я завернулъ руку,—онъ былъ такъ страшно крѣпокъ, что я бился съ нимъ минутъ пять, по одному разрывая волокна. Когда я, наконецъ, оторвалъ цвѣтокъ, стебель уже былъ весь въ лохмотьяхъ, да и цвѣтокъ уже не казался такъ свѣжъ и красивъ. Кромѣ того, онъ, по своей грубысти и аляповатости, не подходилъ къ нѣжнымъ цвѣтамъ букета. Я пожалѣлъ, что напрасно погубилъ цвѣтокъ, который былъ хо-

рошь въ свое мѣстѣ, и бросилъ его. «Какая, однако, энержія и сила жизни», подумалъ я, вспоминая тѣ усилія, съ которыми я отрывалъ цвѣтокъ. «Какъ онъ усиленно защищалъ и дорого продалъ свою жизнь».

Дорога къ дому шла паровыми, только что вспаханными черноземными полями. Я шелъ наизволокъ по пыльной черноземной дорогѣ. Вспаханное поле было помѣщичье, очень большое, такъ что съ обѣихъ сторонъ и впередъ въ гору ничего не было видно, кроме чернаго, ровно взборожденаго, еще не скороженного пара. Пахота была хорошая, и нигдѣ по полю не виднѣлось ни одного растенія, ни одной травки,—все было черно. «Экое разрушительное существо—человѣкъ, сколько уничтожилъ разнообразныхъ живыхъ существъ, растеній, для поддержанія своей жизни», думалъ я, невольно отыскивая что-нибудь живое среди этого мертваго, чернаго поля. Впереди меня, вправо отъ дороги, виднѣлся какой-то кустикъ. Когда я подошелъ ближе, я узналъ въ кустикѣ такого же «татарина», котораго цвѣтокъ я напрасно сорвалъ и бросилъ.

Кустъ «татарина» состоялъ изъ трехъ отростковъ. Одинъ былъ оторванъ, и, какъ отрубленная рука, торчалъ остатокъ вѣтки. На другихъ двухъ было на каждомъ по цвѣтку. Цвѣтки эти когда-то были красные, теперь же были черные. Одинъ стебель былъ сломанъ, и половина его, съ грязнымъ цвѣткомъ на концѣ, висѣла книзу; другой, хотя и вымазанный черноземной грязью, все еще торчалъ кверху. Видно было, что весь кустикъ былъ перебѣханъ колесомъ и уже послѣ поднялся и потому стоялъ бокомъ, но все-таки стоялъ,—точно вырвали у него кусокъ тѣла, вывернули внутренности, оторвали руку, выкололи глазъ, но онъ все стоять и не сдается человѣку, уничтожившему всѣхъ его братьевъ кругомъ него.

«Экая энержія, — подумалъ я, — все побѣдилъ человѣкъ, миллионы травъ уничтожилъ, а этотъ все не сдается».

И мнѣ вспомнилась одна давнишняя кавказская исторія, часть которой я видѣлъ, часть слышалъ отъ очевидцевъ и часть вообразилъ себѣ. Эта исторія, какъ она сложилась въ моемъ воспоминаніи и воображеніи, вотъ какая.

I.

Это было въ концѣ 1851 года. Въ холодный ноябрьскій вечеръ Хаджи-Муратъ въѣзжалъ въ курившійся душистымъ кизячнымъ дымомъ чеченскій немирный аулъ Махкетъ, отстоящій верстъ двадцать отъ русскихъ владѣній.

Только что затихло напряженное пѣніе муэдзина ¹⁾, и въ чистомъ горномъ воздухѣ, пропитанномъ запахомъ кизячнаго дыма, отчетливо слышны были, изъ-за мычанія коровъ и блеянія овецъ, разбиравшихся по тѣснымъ, какъ соты слѣпленнымъ другъ съ другомъ, саклямъ аула, гортанные звуки спорящихъ мужскихъ голосовъ, женскіе и дѣтскіе голоса внизу отъ фонтана.

Хаджи-Муратъ этотъ былъ знаменитый своими подвигами наибъ Шамиля, не выѣзжавшій иначе, какъ съ своимъ значкомъ, въ сопровожденіи десятковъ мюридовъ, джигитовавшихъ вокругъ него. Теперь, закутанный въ башлыкъ и бурку, изъ-подъ которой торчала винтовка, онъ ѿхалъ съ однимъ мюридомъ, стараясь быть какъ можно меныше замѣченнымъ, вглядываясь своими быстрыми черными глазами въ лица попадавшихся ему по дорогѣ жителей.

Въѣхавъ въ середину аула, Хаджи-Муратъ поѣхалъ не по улицѣ, ведшей къ площади, а повернуль влѣво въ узенькой проулочкѣ. Подъѣхавъ ко второй въ проулочкѣ, врытой въ полугорѣ саклѣ, онъ остановился, оглядываясь. Подъ навѣсомъ, передъ саклей, никого не было, на крыше же, за свѣже смазанной глиняной трубой, лежалъ человѣкъ, укрытый тулупомъ. Хаджи-Муратъ тронулъ лежавшаго на крыше человѣка рукояткой плетки и цокнулъ языкомъ. Изъ-подъ тулупа поднялся стариkъ въочной шапкѣ и лоснящемся, старомъ бешметѣ. Глаза старика, безъ рѣсницъ, были красны и влажны, и онъ, чтобы разлѣпить ихъ, мигалъ ими. Хаджи-Муратъ проговорилъ обычное: «Селямъ алейкумъ», и открылъ лицо.

— Алейкумъ селямъ, — улыбаясь беззубымъ ртомъ, проговорилъ стариkъ, узнавъ Хаджи-Мурата, и, поднявшись на свои худыя ноги, сталъ попадать ими въ стоявшія подлѣ трубы туфли съ деревянными каблуками. Обувшись, онъ не торопясь надѣлъ въ рукава нагольный, сморщеній тулупъ и полѣзъ задомъ внизъ

¹⁾ Въ концѣ тома приложенъ краткій словарь нѣкоторыхъ встрѣчающихся въ повѣсти «Хаджи-Муратъ» восточныхъ и народныхъ словъ.

по лѣстницѣ, приставленной къ крышѣ. И одѣваясь и слѣзая, старикъ покачивалъ головой на тонкой, сморщенной, загорѣлой шеѣ и не переставая шамкаль беззубымъ ртомъ. Сойдя на землю, онъ гостепріимно взялся за поводъ лошади Хаджи-Мурата и правое стремя, но быстро слѣзшій съ своей лошади, ловкій, сильный мюридъ Хаджи-Мурата, отстранивъ старика, замѣнилъ его.

Хаджи-Муратъ слѣзъ съ лошади и, слегка прихрамывая, вошелъ подъ навѣсъ. Навстрѣчу ему изъ двери быстро вышелъ лѣтъ пятнадцати мальчикъ и удивленно уставился черными, какъ спѣлая смородина, блестящими глазами на пріѣхавшихъ.

— Бѣги въ мечеть, зови отца, — приказалъ ему старикъ и, опередивъ Хаджи-Мурата, отворилъ ему легкую, скрипѣвшую дверь въ саклю. Въ то время, какъ Хаджи-Муратъ входилъ¹⁾, изъ внутренней двери вышла немолодая, тонкая, худая женщина, въ красномъ бешметѣ на желтой рубахѣ и синихъ шароварахъ, неся подушки.

— Приходъ твой къ счастью, — сказала она и, перегнувшись вдвое, стала раскладывать подушки у передней стѣны для сидѣнія гостя.

— Сыновья твои чтобы живы были, — отвѣчалъ Хаджи-Муратъ, снявъ съ себя бурку, винтовку и шашку, и отдалъ ихъ старiku.

Старикъ осторожно повѣсили на гвоздь винтовку и шашку подлѣ висѣвшаго оружія хозяина, между двумя большими тазами, блестящими на гладко вымазанной и чисто выбѣленной стѣнѣ. Хаджи-Муратъ, оправивъ на себѣ пистолетъ за спину, подошелъ къ разложеннымъ подушкамъ и, запахивая черкеску, сѣлъ на нихъ. Старикъ сѣлъ подлѣ него на свои голые пятки, закрылъ глаза, поднялъ руки ладонями кверху. Хаджи-Муратъ сдѣлалъ то же. Потомъ они оба, прочтя молитву, огладили себѣ лица руками, соединивъ ихъ въ концѣ бороды.

— Не хабарь? — спросилъ Хаджи-Муратъ старика (т.-е. что новаго?).

— Хабарь іокъ (нѣть новаго), — отвѣчалъ старикъ, глядя не въ лицо, а на грудь Хаджи-Мурата своими красными, безжизненными глазами. — Я на пчельникѣ живу, нынче только пришелъ сына провѣдать. Онъ знаетъ.

¹⁾ См. примѣчаніе 2-е.

Хаджи-Муратъ понялъ, что стариkъ не хочетъ говорить того, что знаетъ и что нужно было знать Хаджи-Мурату, и, слегка кивнувъ головой, не сталъ больше спрашивать.

— Хорошаго новаго ничего нѣть, — заговорилъ стариkъ. — Только и новаго, что все зайцы совѣщаются, какъ имъ орловъ прогнать. А орлы все рвутъ то одного, то другого. На прошлой недѣлѣ русскія собаки у Мичицкихъ сѣно сожгли, раздерись ихъ лицо, — злобно прохрипѣлъ стариkъ.

Вошелъ мюридъ Хаджи-Мурата и, мягко ступая большими шагами своихъ сильныхъ ногъ по земляному полу, такъ же, какъ Хаджи-Муратъ, снялъ бурку, винтовку и шашку и, оставивъ на себѣ только кинжалъ и пистолеть, самъ повѣсилъ ихъ на тѣ же гвозди, на которыхъ висѣло оружіе Хаджи-Мурата.

— Онъ кто? — спросилъ стариkъ у Хаджи-Мурата, указывая на вошедшаго.

— Мюридъ мой. Элдаръ имя ему, — сказалъ Хаджи-Муратъ.

— Хорошо, — сказалъ стариkъ и указалъ Элдару мѣсто на войлокѣ, подлѣ Хаджи-Мурата.

Элдаръ сѣлъ, скрестивъ ноги, и молча уставился своими красивыми, бараньими глазами на лицо разговорившагося старика. Стариkъ рассказывалъ, какъ ихнѣ молодцы на прошлой недѣлѣ поймали двухъ солдатъ, одного убили, а другого послали въ Ведено къ Шамилю. Хаджи-Муратъ разсѣянно слушалъ, поглядывая на дверь и прислушиваясь къ наружнымъ звукамъ. Подъ навѣсомъ, передъ саклей, послышались шаги, дверь скрипнула, и вошелъ хозяинъ.

Хозяинъ сакли, Садо, былъ человѣкъ лѣтъ сорока, съ маленькой бородкой, длиннымъ носомъ и такими же черными, хотя и не столь блестящими глазами, какъ у пятнадцатилѣтняго мальчика, его сына, который бѣгалъ за нимъ и вмѣстѣ съ отцомъ вошелъ въ саклю и сѣлъ у двери. Снявъ у двери деревянные башмаки, хозяинъ сдвинулъ на затылокъ давно не бритой, зарастающей чернымъ волосомъ головы старую, истертую папаху и тотчасъ же сѣлъ противъ Хаджи-Мурата на корточки.

Такъ же, какъ и стариkъ, онъ закрылъ глаза, поднялъ руки ладонями кверху, прочелъ молитву, отеръ руками лицо и только тогда началъ говорить. Онъ рассказалъ, что отъ Шамиля былъ приказъ задержать Хаджи-Мурата, живого или мертваго, что вчера

только уѣхали посланные Шамиля, и что народъ боится ослушаться Шамиля, и что поэтому надо быть осторожнымъ.

— У меня въ домѣ, — сказалъ Садо, — моему кунаку, пока я живъ, никто ничего не сдѣлаетъ. А вотъ въ полѣ какъ? Думать надо.

Хаджи-Муратъ внимательно слушалъ и одобрительно кивалъ головой, и когда Садо кончилъ, онъ сказалъ:

— Хорошо. Теперь надо послать къ русскимъ человѣка съ письмомъ. Мой мюридъ поѣдетъ, только проводника надо.

— Брата Бату пошлю, — сказалъ Садо. — Позови Бату, — обратился онъ къ сыну.

Мальчикъ, какъ на пружинахъ, вскочилъ на рѣзвыя ноги и быстро, махая руками, вышелъ изъ сакли. Минутъ черезъ десять онъ вернулся съ чернозагорѣлымъ, жилистымъ, коротконогимъ чеченцемъ въ разлѣзающейся желтой черкескѣ, съ оборванными—бахромой—рукавами и [въ] спущенныхъ черныхъ ноговицахъ. Хаджи-Муратъ поздоровался съ вновь пришедшими и тотчасъ же, также не теряя лишнихъ словъ, сказалъ:

— Можешь свести моего мюрида къ русскимъ?

— Можно, — весело отвѣталъ Бата. — Все можно. Противъ меня ни одинъ чеченецъ не сумѣеть пройти. А то другой пойдетъ, все обѣщаетъ, да ничего не сдѣлаетъ. А я могу.

— Ладно, — сказалъ Хаджи-Муратъ. — За труды получишь три, — сказалъ онъ, выставляя три пальца.

Бата кивнулъ головой въ знакъ того, что онъ понялъ, но добавилъ, что ему дороги не деньги, а онъ изъ чести готовъ служить Хаджи-Мурату. Всѣ въ горахъ знаютъ Хаджи-Мурата, какъ онъ русскихъ свиней билъ.

— Хорошо, — сказалъ Хаджи-Муратъ. — Веревка хороша длинная, а рѣчъ короткая.

— Ну, молчать буду, — сказалъ Бата.

— Гдѣ Аргунъ заворачиваетъ, противъ кручи, поляна въ лѣсу, два стога стоять. Знаешь?

— Знаю.

— Тамъ мои три конныхъ¹⁾ меня ждутъ, — сказалъ Хаджи-Муратъ.

¹⁾ См. примѣчаніе 3-е.

— Айя, — кивая головой, говорилъ Бата.

— Спросиши Ханъ-Магому. Ханъ-Магома знаетъ, что дѣлать и что говорить. Его свести къ русскому начальнику, къ Воронцову, князю. Можешь?

— Сведу.

— Свести и назадъ привести. Можешь?

— Можно.

— Сведешь, вернешься въ лѣсъ. И я тамъ буду.

— Все сдѣлаю, — сказалъ Бата, поднялся и, приложивъ руки къ груди, вышелъ.

— Еще человѣка въ Чехи послать надо, — сказалъ Хаджи-Муратъ хозяину, когда Бата вышелъ. — Въ Чехахъ надо вотъ что,— началъ было онъ, взявшись за одинъ изъ хозяїръ черкески, но тотъ-чѣм же опустилъ руку и замолчалъ, увидавъ входившихъ въ саклю двухъ женщинъ.

Одна была жена Садо, та самая немолодая, худая женщина, которая укладывала подушки. Другая была совсѣмъ молодая дѣвочка въ красныхъ шароварахъ и зеленомъ бешметѣ, съ закрывавшей всю грудь занавѣской изъ серебряныхъ монетъ. На концѣ я не длинной, но толстой, жесткой черной косы, лежавшей между плечъ худой спины, былъ привѣщенъ серебряный рубль; такие же черные, смородинные глаза такъ же, какъ у отца и брата, весело блестѣли на молодомъ, старавшемся быть строгимъ лицѣ. Она не смотрѣла на гостей, но видно было, что чувствовала ихъ присутствіе.

Жена Садо несла низкій, круглый столикъ, на которомъ были чай, пильгиши, блины въ маслѣ, сыръ, чурѣкъ (тонко раскатанный хлѣбъ) и медъ. Дѣвочка несла тазъ, кумганъ и полотенце.

Садо и Хаджи-Муратъ—оба молчали во все время, пока женщины, тихо двигаясь въ своихъ красныхъ мягкихъ, безподошвенныхъ чуякахъ, устанавливали принесенное передъ гостями. Элдаръ, устремивъ свои бараны глаза на скрещенные ноги, былъ неподвиженъ, какъ статуя, во все время, пока женщины были въ саклѣ. Только когда женщины вышли и совершенно затихли за дверью ихъ мягкие шаги, Элдаръ облегченно вздохнулъ, а Хаджи-Муратъ десталъ одинъ изъ хозяїръ черкески, вынулъ пулю, застыкающую его, и изъ-подъ пули свернутую трубочкой записку.

— Сыну отдать,—сказалъ онъ, показывая записку.

— Куда отвѣтъ? — спросилъ Садо.

— Тебѣ, а ты мнѣ доставиши.

— Будетъ сдѣлано, — сказалъ Садо и переложилъ записку въ хозырь своей черкески. Потомъ, взявъ въ руки кумганъ, онъ придинулъ къ Хаджи-Мурату тазъ. Хаджи-Муратъ засучилъ рукава бешмета на мускулистыхъ, бѣлыхъ выше кистей рукахъ и подставилъ ихъ подъ струю холодной, прозрачной воды, которую лиль изъ кумгана Садо. Вытеревъ руки суровымъ чистымъ полотенцемъ, Хаджи-Муратъ подвинулся къ ёдѣ. То же сдѣлалъ Элдаръ. Пока гости ёли, Садо сидѣлъ противъ нихъ и нѣсколько разъ благодарили за посѣщеніе. Сидѣвшій у двери мальчикъ, не спуская своихъ блестящихъ черныхъ глазъ съ Хаджи-Мурата, улыбался, какъ бы подтверждая своей улыбкой слова отца.

Несмотря на то, что Хаджи-Муратъ болѣе сутокъ ничего не ёлъ, онъ съѣлъ только немнога хлѣба, сыра и, доставъ изъ-подъ кинжала ножичекъ, набралъ меду и намазалъ его на хлѣбъ.

— Нашъ медъ хорошій. Нынѣшній годъ изо всѣхъ годовъ медъ: и много и хороший, — сказалъ стариkъ, видимо довольный тѣмъ, что Хаджи-Муратъ ёлъ его медъ.

— Спасибо, — сказалъ Хаджи-Муратъ и отстранился отъ ёды. Элдару хотѣлось еще ёсть, но онъ такъ же, какъ и его мюршидъ, отодвинулся отъ стола и подалъ Хаджи-Мурату тазъ и кумганъ.

Садо зналъ, что, принимая Хаджи-Мурата, онъ рисковалъ жизнью, такъ какъ послѣссоры Шамиля съ Хаджи-Муратомъ было объявлено всѣмъ жителямъ Чечни, подъ угрозой казни, не принимать Хаджи-Мурата. Онъ зналъ, что жители аула всякую минуту могли узнать про присутствіе Хаджи-Мурата въ его домѣ и могли потребовать его выдачи. Но это не только не смущало, но радовало Садо. Садо считалъ своимъ долгомъ защищать гостя, хотя бы это стоило ему жизни, и онъ радовался на себя, гордился собой за то, что поступаетъ такъ, какъ должно.

— Пока ты въ моемъ домѣ и голова моя на плечахъ, никто тебѣ ничего не сдѣлаетъ, — повторилъ онъ Хаджи-Мурату.

Хаджи-Муратъ посмотрѣлъ въ его блестящіе глаза и, понявъ, что это была правда, нѣсколько торжественно сказалъ:

— Да получишь ты радость и жизнь.

Садо молча прижалъ руки къ груди въ знакъ благодарности за доброе слово.

Закрывъ ставни сакли и заготовя сучья въ каминъ, Садо въ особенно веселомъ и возбужденномъ состояніи вышелъ изъ кунацкой и вошелъ въ то отдѣленіе сакли, гдѣ жило все его семейство. Женщины еще не спали и говорили объ опасныхъ гостяхъ, которые ночевали у нихъ въ кунацкой.

II.

Въ эту самую ночь изъ передовой крѣпости Воздвиженской, въ двадцати ¹⁾ верстахъ отъ аула, въ которомъ ночевалъ Хаджи-Муратъ, вышли изъ укрѣпленія за Шахгиринскія ворота три солдата съ унтеръ-офицеромъ. Солдаты были въ полушибукахъ и папахахъ, съ скатанными шинелями черезъ плечо и [въ] большихъ сапогахъ выше колѣна, какъ тогда ходили кавказские солдаты. Солдаты съ ружьями на плечахъ шли сначала по дорогѣ, потомъ, пройдя шаговъ пятьсотъ, свернули съ нея и, шурша сапогами по сухимъ листьямъ, прошли шаговъ двадцать вправо и остановились у сломанной чинары, черный стволъ которой виднѣлся и въ темнотѣ. Къ этой чинарѣ высыпался обыкновенно секретъ.

Яркія звѣзды, которыя какъ бы бѣжали по макушкамъ деревъ, пока солдаты шли лѣсомъ, теперь остановились, ярко блестя между оголенныхъ вѣтвей деревъ.

— Спасибо—сухо,—сказалъ унтеръ-офицеръ Пановъ, снимая съ плеча длинное, съ штыкомъ ружье и, брякнувъ имъ, прислонилъ его къ стволу дерева. Три солдата сдѣлали то же.

— А вѣдь и есть — потерялъ, — сердито проворчалъ Пановъ, — либо забылъ, либо выскочила дорогой.

— Чего ищешь-то? — спросилъ одинъ изъ солдатъ бодрымъ, веселымъ голосомъ.

— Трубку, — чортъ ее знаетъ куда запропала.

— Чубукъ-то цѣль? — спросилъ бодрый голосъ.

— Чубукъ — вотъ онъ.

— А въ землю прямо?

— Ну, гдѣ тамъ.

— Это мы наладимъ живо.

1) См. примѣчаніе 4-е.

Курить въ секретъ запрещалось, но секретъ этотъ былъ почти не секретъ, а скорѣе передовой караулъ, который высыпался затѣмъ, чтобы горцы не могли незамѣтно подвезти, какъ они дѣлали прежде, орудіе и стрѣлять по укрѣпленію, и Пановъ не считалъ нужнымъ лишать себя куренія и потому согласился на предложеніе веселаго солдата. Веселый солдатъ досталъ изъ кармана ножикъ и сталъ копать землю. Выкопавъ ямку, онъ обгладилъ ее, приладилъ къ ней чубучокъ, потомъ наложилъ табаку въ ямку, прижалъ его, и трубка была готова. Сѣрничокъ загорѣлся, освѣтивъ на мгновеніе скуластое лицо лежавшаго на брюхѣ солдата. Въ чубукѣ засвистѣло, и Пановъ почуялъ пріятный запахъ загорѣвшейся махорки.

— Наладилъ? — сказалъ онъ, поднимаясь на ноги.

— А то какъ же.

— Эка молодчина Авдеевъ, прокурать малый. Ну-ка?

Авдеевъ отвалился на бокъ, давая мѣсто Панову и выпуская дымъ изо рта.

Пановъ легъ на брюхо и, обтеревъ чубучокъ рукавомъ, сталъ затягиваться.

Накурившись, между солдатами завязался разговоръ.

— А сказывали, ротный-то опять въ ящикъ залѣзъ, проигрался вишь, — сказалъ одинъ изъ солдатъ лѣнивымъ голосомъ.

— Отдастъ, — сказалъ Пановъ.

— Извѣстно, офицеръ хороший, — подтвердилъ Авдеевъ.

— Хороший, хороший, — мрачно продолжалъ начавшій разговоръ, — по моему совѣту надо ротъ поговорить съ нимъ: коли взяль, такъ скажи, сколько и когда отдашь.

— Какъ рота разсудить, — сказалъ Пановъ, отрываясь отъ трубки.

— Извѣстное дѣло, міръ — большой человѣкъ, — подтвердилъ Авдеевъ.

— Надо вѣдь овса купить да сапоги къ веснѣ справить, денежки нужны, а какъ онъ ихъ забралъ... — настаивалъ недовольный.

— Говорю, какъ рота хочетъ, — повторилъ Пановъ. — Не въ первый разъ, — возьметъ и отдастъ.

Въ тѣ времена на Кавказѣ каждая рота завѣдывала черезъ своихъ выборныхъ всѣмъ хозяйствомъ. Она получала деньги отъ казны по 6 рублей 50 копеекъ на человѣка и сама себя продоволь-

ствовала: сажала капусту, косила съно, держала свои повозки, щеголяла сытыми ротными лошадьми. Деньги же ротных находились въ ящикѣ, ключи отъ котораго были у ротнаго командира, и случалось часто, что ротный командиръ бралъ взаймы изъ ящика. Такъ было и теперь, и про это-то и говорили солдаты. Мрачный солдатъ Никитинъ хотѣлъ потребовать отчетъ отъ ротнаго, а Пановъ и Авдеевъ считали, что этого не нужно было.

Послѣ Панова покурилъ и Никитинъ и, подстеливъ подъ себя шинель, сѣлъ, прислоняясь къ дереву. Солдаты затихли. Только слышно было, какъ вѣтеръ шевелилъ высоко надъ головами макушки деревъ. Вдругъ изъ-за этого не перестающаго тихаго шелеста послышался вой, визгъ, плачъ, хохотъ шакаловъ.

— Виши, проклятые, какъ заливаются, — сказалъ Авдеевъ.

— Это они съ тебя смѣются, что у тебя рожа на-боку, — сказалъ тонкій хохлацкій голосъ четвертаго солдата.

Опять все затихло, только вѣтеръ шевелилъ сучья деревъ, то открывая, то закрывая звѣзды.

— А что, Антонычъ, — вдругъ спросилъ веселый Авдеевъ Панова, — бываетъ тебѣ когда скучно?

— Какая же скука, — неохотно отвѣчалъ Пановъ.

— А мнѣ другой разъ такъ-то скучно, такъ скучно, что, кажется, и самъ не знаю, что бы надъ собою сдѣлать.

— Виши ты! — сказалъ Пановъ.

— Я тогда деньги-то пропилъ, вѣдь это все отъ скуки. Накатило, накатило на меня. Думаю: дай, пьянъ нарѣжусь.

— А бываетъ съ вина еще хуже.

— И это было, да куда дѣнешься.

— Да съ чего же скучаешь-то?

— Я-то? Да по дому скучаю.

— Что жъ, богато жили?

— Не то, что богачи, а жили справно. Хорошо жили.

И Авдеевъ сталъ рассказывать то, что онъ уже много разъ рассказывалъ тому же Панову.

— Вѣдь я охотой за брата пошелъ, — рассказывалъ Авдеевъ. — У него ребята самъ-пять, а меня только женили. Матушка просить стала. Думаю: что мнѣ, авось попомнятъ мое добро. Сходилъ къ барину. Баринъ у насъ хорошій, говорить, молодецъ, ступай. Такъ и пошелъ за брата.

— Что жъ, это хорошо, — сказалъ Пановъ.

— А воть вѣришь ли, Антонычъ, теперь скучаю. И больше съ того и скучаю, что зачѣмъ, молъ, ты за брата пошелъ. Онъ, молъ, теперь царствуетъ, а ты воть мучаешься. И что больше думаю, то хуже. Такой грѣхъ, видно.

Авдеевъ помолчалъ.

— Аль покуримъ опять? — спросилъ Авдеевъ.

— Ну что жъ, налаживай.

Но курить солдатамъ не пришлось. Только что Авдеевъ всталъ и хотѣлъ налаживать опять трубку, какъ изъ-за шелеста вѣтра послышались шаги по дорогѣ. Пановъ взялъ ружье и толкнулъ ногой Никитина. Никитинъ всталъ на ноги и поднялъ шинель. Поднялся и третій—Бондаренко.

— А я, братцы, какой сонъ видѣлъ.

Авдеевъ шикнулъ на Бондаренко, и солдаты замерли, прислушиваясь. Мягкіе шаги людей, обутыхъ не въ сапоги, приближались. Все явственнѣе и явственнѣе слышалось въ темнотѣ хрустѣніе листьевъ и сухихъ вѣтокъ. Потомъ послышался говоръ на томъ особенномъ, гортанномъ языкѣ, которымъ говорять чеченцы. Солдаты теперь не только слышали, но и увидали двѣ тѣни, проходившія въ просвѣтѣ между деревьями. Одна тѣнь была пониже, другая—повыше. Когда тѣни поровнялись съ солдатами, Пановъ, съ ружьемъ на руку, вмѣстѣ съ своими двумя товарищами выступилъ на дорогу.

— Кто идетъ? — крикнулъ онъ.

— Чечень мирная, — заговорилъ тотъ, который былъ пониже. Это былъ Бата.—Ружье іокъ, шашка іокъ,—говорилъ онъ, показывая на себя. — Кинезъ надо.

Тотъ, который былъ повыше, молча стоялъ подлѣ своего товарища. На немъ тоже не было оружія.

— Лазутчикъ, значитъ,—къ полковому, — сказалъ Пановъ, объясняя своимъ товарищамъ.

— Кинезъ Воронцовъ крѣпко надо, большой дѣло надо,—говорилъ Бата.

— Ладно, ладно, сведемъ, — сказалъ Пановъ. — Что жъ, веди что ли ты съ Бондаренкой,—обратился онъ къ Авдееву,—а сдашь дежурному, приходи опять. Смотри, — сказалъ Пановъ, — осто- рожнѣе, впереди себя вели итти.

— А это что? — сказалъ Авдеевъ, сдѣлавъ движеніе ружьемъ съ штыкомъ, какъ будто онъ закалывается. — Пырну разокъ — и паръ вонъ.

— Куда же онъ годится, коли заколешь,—сказалъ Бондаренко.

— Ну, маршъ!

Когда затихли шаги двухъ солдатъ съ лазутчиками, Пановъ и Никитинъ вернулись на свое мѣсто.

— И чортъ ихъ носить по ночамъ, — сказалъ Никитинъ.

— Стало-быть, нужно,—сказалъ Пановъ.—А свѣжо стало,—прибавилъ онъ и, раскатавъ шинель, надѣль и сѣль къ дереву.

Часа черезъ два вернулся и Авдеевъ съ Бондаренкой.

— Что жъ, сдалъ? — спросилъ Пановъ.

— Сдали. У полкового еще не спать. Прямо къ нему свели. А какіе эти, братецъ ты мой, гололобые ребята хорошие, — продолжалъ Авдеевъ. — Ей-Богу. Я съ ними какъ разговорился.

— Ты, извѣстно, разговоришься, — недовольно сказалъ Никитинъ.

— Право, совсѣмъ какъ россійскіе. Одинъ женатый. Марушка, говорю, барь? — Барь, говоритъ. — Баранчукъ, говорю, барь? — Барь, много. — Парочка? — Парочка, говоритъ. — Такъ разговарились хорошо. Хорошие ребята.

— Какъ же, хорошие, — сказалъ Никитинъ, — попадись ему только одинъ на одинъ, онъ тебѣ требуху выпустить.

— Должно, скоро свѣтать будетъ, — сказалъ Пановъ.

— Да, ужъ звѣздочки потухать стали, — сказалъ Авдеевъ, усаживаясь.

И солдаты опять затихли.

III.

Въ окнахъ казармъ и солдатскихъ домиковъ давно уже было темно, но въ одномъ изъ лучшихъ домовъ крѣпости свѣтились еще всѣ окна. Домъ этотъ занималъ полковой командиръ Куринского полка, сынъ главнокомандующаго, флигель-адъютантъ князь Семенъ Михайловичъ Воронцовъ. Воронцовъ жилъ съ женой, Марьей Васильевной, знаменитой петербургской красавицей, и жилъ въ маленькой кавказской крѣпости роскошно, какъ никто никогда не жилъ здѣсь. Воронцову и въ особенности его женѣ казалось,

ЧТО ОНИ ЖИВУТЬ ЗДЕСЬ НЕ ТОЛЬКО СКРОМНОЙ, но исполненной лишеній жизнью; здѣшнихъ же жителей жизнь эта удивляла своеей необыкновенной роскошью.

Теперь, въ двѣнадцать часовъ ночи, въ большой гостиной, съ ковромъ во всю комнату, съ опущенными тяжелыми портьерами, за ломбернымъ столомъ, освѣщеннымъ четырьмя свѣчами, сидѣли хозяева съ гостями и играли въ карты. Одинъ изъ играющихъ былъ самъ хозяинъ, длиннолицый, бѣлокурый полковникъ съ флигель-адютантскими вензелями и аксельбантами, Воронцовъ; партнѣромъ его былъ кандидатъ Петербургскаго университета, недавно выписанный княгиней Воронцовой учитель для ея маленькаго сына отъ первого мужа, лохматый юноша угрюмаго вида. Противъ нихъ играли два офицера: одинъ—широколицый, румянный, перешедший изъ гвардіи, ротный командиръ Полторацкій, и очень прямо сидѣвшій, съ холоднымъ выраженіемъ красиваго лица, полковой адютантъ. Сама княгиня Марья Васильевна, крупная, большеглазая, чернобровая красавица, сидѣла подлѣ Полторацкаго, касаясь его ногъ своимъ кринолиномъ и заглядывая ему въ карты. И въ ея словахъ, и въ ея взглядахъ, и улыбкѣ, и во всѣхъ движеніяхъ ея тѣла, и въ духахъ, которыми отъ нея пахло, было то, что доводило Полторацкаго до забвенія всего, кроме сознанія ея близости, и онъ дѣлалъ ошибку за ошибкой, все болѣе и болѣе раздражая своего партнера.

— Нѣтъ, это невозможно! Опять просолилъ туза, — весь покраснѣвъ, проговорилъ адютантъ, когда Полторацкій скинуль туза.

Полторацкій, точно проснувшись, не понимая глядѣль своими добрыми, широко разставленными черными глазами на недовольнаго адютанта.

— Ну, простите его, — улыбаясь сказала Марья Васильевна.— Видите, я вамъ говорила, — обратилась она къ Полторацкому.

— Да вы совсѣмъ не то говорили, — улыбаясь сказалъ Полторацкій.

— Развѣ не то, — сказала она и также улыбнулась. И эта отвѣтная улыбка такъ страшно взволновала и обрадовала Полторацкаго, что онъ багрово покраснѣлъ и, схвативъ карты, сталъ мѣшать ихъ.

— Не тебъ мѣшать, — строго сказалъ адъютантъ и сталъ своей бѣлой, съ перстнемъ рукой сдавать карты такъ, какъ будто онъ только хотѣлъ поскорѣе избавиться отъ нихъ.

Въ гостиную вошелъ камердинеръ князя и доложилъ, что князя требуетъ дежурный.

— Извините, господа, — сказалъ князь, съ аглицкимъ акцентомъ говоря по-русски. — Ты за меня, Marie, сядешь.

— Согласны? — спросила княгиня, быстро и легко вставая во весь свой высокій ростъ, шурша шелкомъ и улыбаясь своей сіяющей улыбкой счастливой женщины.

— Я всегда на все согласенъ, — сказалъ адъютантъ, очень довольный тѣмъ, что противъ него играетъ теперь совершенно не умѣющая играть княгиня. Полторацкій же только развелъ руками улыбаясь.

Робберъ кончался, когда князь вернулся въ гостиную. Онъ пришелъ особенно возбужденный и веселый.

— Знаете, что я вамъ предложу?

— Ну?

— Выпьемте шампанскаго.

— На это я всегда готовъ, — сказалъ Полторацкій.

— Что же, это очень пріятно, — сказалъ адъютантъ.

— Василій, подайте, — сказалъ князь.

— Зачѣмъ тебя звали? — спросила Марья Васильевна.

— Былъ дежурный и еще одинъ человѣкъ.

— Кто? Что? — поспѣшно спросила Марья Васильевна.

— Не могу сказать, — пожавъ плечами, сказалъ Воронцовъ.

— Не можешь сказать, — повторила Марья Васильевна. — Это мы увидимъ.

Принесли шампанское. Гости выпили по стакану и, окончивъ игру и разочтаясь, стали прощаться.

— Ваша рота завтра назначена въ лѣсъ? — спросилъ князь Полторацкаго.

— Моя. А что?

— Такъ мы увидимся завтра съ вами, — сказалъ князь, слегка улыбаясь.

— Очень радъ, — сказалъ Полторацкій, хорошенъко не понимая того, что ему говорилъ Воронцовъ, и озабоченный только тѣмъ, какъ онъ сейчасъ пожметъ руку Марии Васильевны.

Марья Васильевна, какъ всегда, не только крѣпко пожала, но и сильно тряхнула руку Полторацкаго. И еще разъ напомнивъ ему его ошибку, когда онъ пошелъ съ бубенъ, она улыбнулась ему, какъ показалось Полторацкому, прелестной, ласковой и значительной улыбкой.

Полторацкій шелъ домой въ томъ восторженномъ настроеніи, которое могутъ понимать только люди, какъ онъ, выросшіе и воспитанные въ свѣтѣ, когда они, послѣ мѣсяцевъ уединенной военной жизни, вновь встречаютъ женщину изъ своего прежняго круга, да еще такую женщину, какъ княгиня Воронцова.

Подойдя къ домику, въ которомъ онъ жилъ съ товарищемъ, онъ толкнулъ входную дверь, но дверь была заперта. Онъ стукнулъ,—дверь не отворилась. Ему стало досадно, и онъ сталъ барабанить въ запертую дверь ногой и шашкой. За дверью послышались шаги, и Вавила, крѣпостной, дворовый человѣкъ Полторацкаго, откинулся крючокъ.

— Съ чего вздумалъ запирать? Болванъ.

— Да развѣ можно, Алексѣй Владимиров...

— Опять пьянъ. Вотъ я тебѣ покажу, какъ можно...

Полторацкій хотѣлъ ударить Вавилу, но раздумалъ.

— Ну, чортъ съ тобой. Свѣчу зажги.

— Сю минуту.

Вавила былъ дѣйствительно выпивши, а выпилъ онъ потому, что былъ на имениахъ у капитенармуса. Вернувшись домой, онъ задумался о своей жизни въ сравненіи съ жизнью Ивана Матвѣевича, капитенармуса. Иванъ Матвѣевичъ имѣлъ доходы, былъ женатъ и надѣялся черезъ годъ выйти въ чистую. Вавила же былъ мальчикомъ взятъ вверхъ, т.-е. въ услуженіе господамъ, и вотъ уже ему было сорокъ слишкомъ лѣтъ, а онъ не женился и жилъ походной жизнью при своемъ безалаберномъ баринѣ. Баринъ былъ хороший, дралился мало,—но какая же это была жизнь! «Обѣщалъ дать вольную, когда вернется съ Кавказа,—да куда же мнѣ итти съ вольной... Собачья жизнь», думалъ Вавила. И ему такъ захотѣлось спать, что онъ, боясь, чтобы кто-нибудь не вошелъ и не унесъ что-нибудь, закинулъ крючокъ и заснулъ.

Полторацкій вошелъ въ комнату, гдѣ онъ спалъ вмѣстѣ съ товарищемъ Тихоновымъ

— Ну, что, проигрался? — сказалъ проснувшійся Тихоновъ.

— Ань нѣтъ, семнадцать рублей выигралъ, и клико бутылочку роспили.

— И на Марью Васильевну смотрѣль?

— И на Марью Васильевну смотрѣль, — повторилъ Полторацкій.

— Скоро уже вставать, — сказалъ Тихоновъ, — въ шесть надо уже выступать.

— Вавила! — крикнулъ Полторацкій. — Смотри, хорошенъко буди меня завтра въ пять.

— Какъ же васъ будить, когда вы деретесь.

— Я говорю, чтобы разбудить. Слышалъ?

— Слушаю.

Вавила ушелъ, унося сапоги и платье, а Полторацкій легъ въ постель и улыбаясь закурилъ папироску и потушилъ свѣчу. Онъ въ темнотѣ видѣлъ передъ собою улыбающееся лицо Мары Васильевны.

У Воронцовыхъ не сейчасъ заснули. Когда гости ушли, Марья Васильевна подошла къ мужу и, остановившись передъ нимъ, строго сказала:

— Eh bien, vous allez me dire ce que c'est?

— Mais, ma chère...

— Pas de ma chère! C'est un émissaire, n'est-ce pas?

— Quand mme je ne puis pas vous le dire.

— Vous ne pouvez pas? Alors c'est moi qui vais vous le dire.

— Vous?¹⁾

— Хаджи-Муратъ, да? — сказала княгиня, слышавшая уже нѣсколько дней о переговорахъ съ Хаджи-Муратомъ и предполагавшая, что у ея мужа былъ самъ Хаджи-Муратъ.

¹⁾ — Ну, ты сейчасъ скажешь мнѣ, въ чёмъ дѣло?..

— Но, моя милая...

— Вовсе не милая!.. Это—лазутчикъ, не правда ли?

— Ну, если бы это и былъ лазутчикъ, я все-таки не могу сказать.

— Не можешь, такъ я тебѣ скажу.

— Ну?

Воронцовъ не могъ отрицать, но разочаровалъ жену въ томъ, что былъ не самъ Хаджи-Муратъ, а только лазутчикъ, объявившій, что Хаджи-Муратъ завтра выйдетъ къ нему въ то мѣсто, гдѣ назначена рубка лѣса.

Среди однообразія жизни въ крѣпости молодые Воронцовы—и мужъ и жена—были рады этому событию. Поговоривъ о томъ, какъ пріятно будетъ это извѣстіе его отцу, мужъ съ женой въ третьемъ часу легли спать.

IV.

Послѣ тѣхъ трехъ безсонныхъ ночей, которыя онъ провелъ, убѣгая отъ высланныхъ противъ него мюридовъ Шамиля, Хаджи-Муратъ заснулъ тотчасъ же, какъ только Садо вышелъ изъ сакли, пожелавъ ему спокойной ночи. Онъ спалъ не раздѣваясь, облокотившись на руку, утонувшую локтемъ въ подложенные ему хозяиномъ пуховыя красныя подушки. Недалеко отъ него, у стѣны, спалъ Элдаръ. Элдаръ лежалъ на спинѣ, раскинувъ широко свои сильные, молодые члены, такъ что высокая грудь его, съ черными хозяйствами на бѣлой черкескѣ, была выше откинувшейся, свѣже бритой, синей головы, свалившейся съ подушки. Оттопыренная, какъ у дѣтей, съ чуть покрывавшимъ ее пушкомъ, верхняя губа его точно прихлебывала, сжимаясь и распускаясь. Онъ спалъ такъ же, какъ и Хаджи-Муратъ: одѣтый, съ пистолетомъ за поясомъ и кинжаломъ. Въ каминѣ сакли догорали сучья, и въ печуркѣ чуть свѣтился очникъ.

Въ серединѣ ночи скрипнула дверь въ кунацкую, и Хаджи-Муратъ тотчасъ же поднялся и взялся за пистолеть. Въ комнату, мягко ступая по земляному полу, вошелъ Садо.

— Что надо? — спросилъ Хаджи-Муратъ, какъ будто никогда не спавший.

— Думать надо, — сказалъ Садо, усаживаясь передъ Хаджи-Муратомъ.— Женщина съ крыши видѣла, какъ ты проѣхалъ,— сказалъ онъ, — и рассказала мужу, а теперь весь аулъ знаетъ. Сейчасъ прибѣгала къ женѣ сосѣдка, сказывала, что старики собрались въ мечети и хотятъ остановить тебя.

— Щать надо, — сказалъ Хаджи-Муратъ.

— Кони готовы, — сказалъ Садо и быстро вышелъ изъ сакли.

— Элдаръ, — прошепталъ Хаджи-Муратъ, и Элдаръ, услыхавъ свое имя и, главное, голосъ своего мюршида, вскочилъ на сильные ноги, оправляя папаху. Хаджи-Муратъ надѣль оружіе и бурку. Элдаръ сдѣлалъ то же, и оба молча вышли изъ сакли подъ навѣсъ. Черноглазый мальчикъ подвель лошадей. На стукъ копытъ по убитой дорогѣ улицы чья-то голова высунулась изъ дверисосѣдней сакли, и, стуча деревянными башмаками, пробѣжалъ какой-то человѣкъ въ гору къ мечети.

Мѣсяца не было, только звѣзды ярко свѣтили въ черномъ небѣ, и въ темнотѣ видны были очертанія крыши саклей и больше другихъ зданіе мечети съ минаретомъ въ верхней части аула. Отъ мечети доносился гулъ голосовъ.

Хаджи-Муратъ, быстро прихвативъ ружье, вложилъ ногу въ узкое стремя и, беззвучно, незамѣтно перекинувъ тѣло, сѣлъ на высокую подушку сѣдла.

— Богъ да воздастъ вамъ, — сказалъ онъ, обращаясь къ хозяину, отыскивая привычнымъ движеніемъ правой ноги другое стремя, и чуть-чуть тронулъ мальчика, державшаго лошадь, плетью, въ знакъ того, чтобы онъ посторонился. Мальчикъ посторонился, и лошадь, какъ будто сама зная, что ей надо дѣлать, бодрымъ шагомъ тронулась изъ проулка на главную дорогу. Элдаръ щекалъ сзади; Садо, въ шубѣ, быстро размахивая руками, почти бѣжалъ за ними, перебѣгая то на одну, то на другую сторону узкой улицы. У выѣзда, черезъ дорогу, показалась движущаяся тѣнь, потомъ — другая.

— Стой! Кто єдетъ? Остановись! — крикнулъ голосъ, и нѣсколько людей загородили дорогу.

Вмѣсто того, чтобы остановиться, Хаджи-Муратъ выхватилъ пистолетъ изъ-за пояса и прибавилъ хода, направляя лошадь прямо на заграждавшихъ дорогу людей. Люди, стоявшіе на дорогѣ, разошлись, и Хаджи-Муратъ, не оглядываясь, большой иноходью пустился внизъ по дорогѣ. Элдаръ большой рысью щекалъ за нимъ. Позади ихъ щелкнули два выстрѣла, просвистѣли двѣ пули, не задѣвшія ни его ни Элдара. Хаджи-Муратъ продолжалъ щекать тѣмъ же ходомъ. Отъ щекавъ шаговъ триста, онъ остановилъ слегка запыхавшуюся лошадь и сталъ прислушиваться. Впереди, внизу, шумѣла быстрая вода. Сзади слышны были перекликающіеся пѣтухи въ аулѣ. Изъ-за этихъ звуковъ послышался приближающійся лошади-

ный топотъ и говоръ позади Хаджи-Мурата. Хаджи-Муратъ тронулъ лошадь и поѣхалъ тѣмъ же ровнымъ проѣздомъ.

Ѣхавшіе сзади скакали и скоро догнали Хаджи-Мурата. Ихъ было человѣкъ двадцать верховыхъ. Это были жители аула, рѣшившіе задержать Хаджи-Мурата или, по крайней мѣрѣ, для очистки себя передъ Шамилемъ, сдѣлать видъ, что они хотятъ задержать его. Когда они приблизились настолько, что стали видны въ темнотѣ, Хаджи-Муратъ остановился, бросивъ поводья, и, привычнымъ движенiemъ лѣвой руки отстегнувъ чехолъ винтовки, правой рукой вынулъ ее. Элдаръ сдѣлалъ то же.

— Чего надо? — крикнулъ Хаджи-Муратъ. — Взять хотите? Ну, берите.

И онъ поднялъ винтовку.

Жители аула остановились. Хаджи-Муратъ, держа винтовку въ рукѣ, сталъ спускаться въ лощину. Конные, не приближаясь, Ѣхали за нимъ. Когда Хаджи-Муратъ перейхалъ на другую сторону лощины, Ѣхавшіе за нимъ верховые закричали ему, чтобы онъ выслушалъ то, что они хотятъ сказать. Въ отвѣтъ на это Хаджи-Муратъ выстрѣлилъ изъ винтовки и пустилъ свою лошадь вскачь. Когда онъ остановилъ ее, погони за нимъ уже не слышно было; не слышно было и пѣтуховъ, а только яснѣе слышалось въ лѣсу журчаніе воды и изрѣдка плачъ филина. Черная стѣна лѣса была совсѣмъ близко. Это былъ тотъ самый лѣсъ, въ которомъ дожидались его его мюриды. Подъѣхавъ къ лѣсу, Хаджи-Муратъ остановился и, зabraвъ много воздуха въ легкія, засвисталъ и потомъ затихъ, прислушиваясь. Черезъ минуту такой же свистъ послышался изъ лѣсу. Хаджи-Муратъ свернулъ съ дороги и поѣхалъ въ лѣсъ. Проѣхавъ шаговъ сто, Хаджи-Муратъ увидалъ сквозь стволы деревьевъ костеръ, тѣни людей, сидѣвшихъ у костра, и до половины освѣщенную огнемъ стреноженную лошадь въ сѣдлѣ. У костра сидѣло четыре человѣка.

Одинъ изъ сидѣвшихъ у костра людей быстро всталъ и подошелъ къ Хаджи-Мурату, взявши за поводъ и за стремя. Это былъ названый братъ Хаджи-Мурата, завѣдующій его хозяйствомъ.

— Огонь потушить! — сказалъ Хаджи-Муратъ, слѣзая съ лошади.

Люди стали раскидывать костеръ и топтать горѣвшіе сучья.

— Былъ здѣсь Бата? — спросилъ Хаджи-Муратъ, подходя къ разстеленной буркѣ.

— Былъ, давно ушли съ Ханъ-Магомой.

— По какой дорогѣ пошли?

— По этой, — отвѣталъ Ханефи, указывая на противоположную сторону той, по которой пріѣхалъ Хаджи-Муратъ.

— Ладно, — сказалъ Хаджи-Муратъ и, снявъ винтовку, стала заряжать ее. — Поберечься надо, гнались за мной, — сказалъ Хаджи-Муратъ, обращаясь къ человѣку, тушившему огонь.

Это былъ чеченецъ Гамзало. Гамзало подошелъ къ буркѣ, взялъ лежавшую на ней въ чехлѣ винтовку и молча пошелъ на край поляны, къ тому мѣstu, изъ которого подѣхалъ Хаджи-Муратъ. Элдаръ, слѣзши съ лошади, взялъ лошадь Хаджи-Мурата и, высоко подтянувъ обѣимъ головы, привязалъ ихъ къ деревьямъ; потомъ такъ же, какъ Гамзало, съ винтовкой на плечахъ стала на другой край поляны. Костеръ былъ потущенъ, и лѣсъ не казался уже такимъ чернымъ, какъ прежде, и на небѣ, хотя и слабо, но свѣтились звѣзды.

Поглядѣвъ на звѣзды, на Стожары, поднявшіеся уже на половину неба, Хаджи-Муратъ разсчиталъ, что было далеко за полночь, и что давно уже была пора ночной молитвы. Онъ спросилъ у Ханефи кумганъ, всегда возимый съ собой въ сумахъ, и, надѣвъ бурку, пошелъ къ водѣ.

Разувшись и совершивъ омовеніе, Хаджи-Муратъ сталъ босыми ногами на бурку, потомъ сѣлъ на икры и, сначала заткнувъ пальцами уши и закрывъ глаза, произнесъ, обращаясь на востокъ, обычную молитву.

Окончивъ молитву, онъ вернулся на свое мѣсто, гдѣ были переметные сумы, и, сѣвъ на бурку, облокотилъ руки на колѣни и, опустивъ голову, задумался.

Хаджи-Муратъ всегда вѣрилъ въ свое счастье. Затѣвая что-нибудь, онъ былъ впередъ твердо увѣренъ въ удачѣ,—и все улыбалось ему. Такъ это было за рѣдкими исключеніями во все продолженіе его бурной военной жизни. Такъ, онъ надѣялся, что будетъ и теперь. Онъ представлялъ себѣ, какъ онъ съ войскомъ, которое дастъ ему Воронцовъ, пойдетъ на Шамиля и захватитъ его въ плѣнъ и отомстить ему, и какъ русскій царь наградить его, и онъ опять будетъ

управлять не только Аваріей, но и всей Чечней, которая покорится ему. Съ этими мыслями онъ не замѣтилъ, какъ заснуль.

Онъ видѣлъ во снѣ, какъ онъ съ своими молодцами, съ пѣснью и крикомъ «Хаджи-Муратъ идетъ!», летить на Шамиля и захватывать его съ его женами, и слышитъ, какъ плачутъ и рыдаютъ его жены. Онъ проснулся. Пѣсня «Ля илляхъ» и крики «Хаджи-Муратъ идетъ!» и плачъ женъ Шамиля былъ вой, плачъ и хохотъ шакаловъ, который разбудилъ его. Хаджи-Муратъ поднялъ голову, взглянулъ на свѣтившееся уже сквозь стволы деревьевъ небо на востокѣ и спросилъ у сидѣвшаго поодаль отъ него мюрида о Ханѣ-Магомѣ. Узнавъ, что Ханѣ-Магома еще не возвращался, Хаджи-Муратъ опустилъ голову и тотчасъ же опять задремалъ.

Разбудилъ его веселый голосъ Ханѣ-Магомы, возвращавшагося съ Батою изъ своего посольства. Ханѣ-Магома тотчасъ же подѣлъ къ Хаджи-Мурату и сталъ рассказывать, какъ солдаты встрѣтили ихъ и проводили къ самому князю, какъ онъ говорилъ съ самимъ княземъ, какъ князь радовался и обѣщалъ утромъ встрѣтить ихъ тамъ, гдѣ русскіе будутъ рубить лѣсъ — за Мичикомъ, на Шалинской полянѣ. Бата перебивалъ рѣчъ своего сотоварища, вставляя свои подробности.

Хаджи-Муратъ разспросилъ подробнѣ о томъ, какими именно словами отвѣчалъ Воронцовъ на предложеніе Хаджи-Мурата выйти къ русскимъ. И Ханѣ-Магома и Бата въ одинъ голосъ говорили, что князь обѣщалъ принять Хаджи-Мурата, какъ гостя, и дѣлать такъ, чтобы ему было хорошо. Хаджи-Муратъ разспросилъ еще про дорогу, и когда Ханѣ-Магома завѣрилъ его, что онъ хорошо знаетъ дорогу и прямо приведетъ туда, Хаджи-Муратъ досталъ деньги и отдалъ Батѣ обѣщанные три рубля; своимъ же велѣль достать изъ переметныхъ сумъ свое съ золотой насѣчкой оружіе и папаху съ чалмой, самимъ же мюридамъ почиститься, чтобы приѣхать къ русскимъ въ хорошемъ видѣ. Пока чистили оружіе, сѣдла, сбрую и коней, звѣзды померкли, стало совсѣмъ свѣтло, и потянулся предразсвѣтный вѣтерокъ.

V.

Рано утромъ, еще въ темнотѣ, двѣ роты съ топорами, подъ командой Полторацкаго, вышли за десять верстъ за Шахгиринскія ворота и, разсыпавъ цѣпь стрѣлковъ, какъ только стало свѣтать, принялись

за рубку лѣса. Къ восьми часамъ туманъ, сливавшійся съ душистымъ дымомъ шипящихъ и трещащихъ на кострахъ сырыхъ сучьевъ, началъ подниматься кверху, и рубившіе лѣсъ, прежде за пять шаговъ не видавшіе, а только слышавшіе другъ друга, стали видѣть и костры и заваленную деревьями дорогу, шедшую черезъ лѣсъ. Солнце то показывалось свѣтлымъ пятномъ въ туманѣ, то опять скрывалось. На полянкѣ, поодаль отъ дороги, сидѣли на барабанахъ: Полторацкій съ своимъ убальтернъ-офицеромъ Тихоновымъ, два офицера третьей роты и бывшій кавалергардъ, разжалованный за дуэль, товарищъ Полторацкаго по Пажескому корпусу, баронъ Фрезе. Вокругъ барабановъ валялись бумажки отъ закусокъ, окурки и пустыя бутылки. Офицеры выпили водки, закусили и пили портеръ. Барабанщикъ откупоривалъ третью бутылку. Полторацкій, несмотря на то, что не выспался, былъ въ томъ особенномъ настроеніи подъема душевныхъ силъ и доброго, беззаботнаго веселья, въ которомъ онъ чувствовалъ себя всегда среди своихъ солдатъ и товарищей тамъ, гдѣ могла быть опасность.

Между офицерами шелъ оживленный разговоръ о послѣдней новости — смерти генерала Слѣпцова. Въ этой смерти никто не видѣлъ того важнѣйшаго въ жизни момента окончанія ея и возращенія къ тому источнику, изъ котораго она вышла, а видѣлось только молодечество лихого офицера,бросившаго съ шашкой на горцевъ и отчаянно рубившаго ихъ.

Хотя всѣ, въ особенности побывавшіе въ дѣлахъ офицеры знали и могли знать, что на войнѣ тогда на Кавказѣ, да и никогда и нигдѣ не бываетъ той рубки врукопашную шашками, которая всегда предполагается и описывается, а если и бываетъ такая рукопашная шашками и штыками, то рубятъ и колютъ всегда только бѣгущихъ,—эта фикція рукопашной признавалась офицерами и придавала имъ ту спокойную гордость и веселость, съ которой они, одни въ молодецкихъ, другіе, напротивъ, въ самыхъ скромныхъ позахъ, сидѣли на барабанахъ, курили, пили и шутили, не заботясь о смерти, которая такъ же, какъ Слѣпцова, могла всякую минуту постигнуть каждого изъ нихъ. И дѣйствительно, какъ бы въ подтвержденіе ихъ ожиданія, въ серединѣ ихъ разговора влѣво отъ дороги послышался бодрящій, красивый звукъ винтовочнаго, рѣзко щелкнувшаго выстрѣла, и пулька, весело посистывая, пролетѣла гдѣ-то въ туманномъ воздухѣ и щелкнулась въ дерево. Нѣсколько

грузно-громкихъ выстрѣловъ солдатскихъ ружей отвѣтили на непріятельской выстрѣль.

— Эге! — крикнулъ веселымъ голосомъ Полторацкій, — вѣдь это въ цѣпи. Ну, братъ Костя, — обратился онъ къ Фрезе, — твоё счастье. Иди къ ротѣ. Мы сейчасъ такое устроимъ сраженье, что прелестъ. И представлениѣ сдѣлаемъ.

Разжалованный баронъ вскочилъ на ноги и быстрымъ шагомъ пошелъ въ область дыма, гдѣ была его рота. Полторацкому подали его маленькаго караковаго кабардинца, онъ сѣлъ на него и, выстроивъ роту, повелъ ее къ цѣпи по направленію выстрѣловъ. Цѣпь стояла на опушкѣ лѣса передъ спускающейся голой балкой. Вѣтеръ тянулъ на лѣсъ, и не только спускъ балки, но и та сторона ея были ясно видны.

Когда Полторацкій подѣхалъ къ цѣпи, солнце выглянуло изъ-за тумана, и на противоположной сторонѣ балки, у другого начинавшагося тамъ мелкаго лѣса, сажень за сто, виднѣлось нѣсколько всадниковъ. Чеченцы эти были тѣ, которые преслѣдовали Хаджи-Мурата и хотѣли видѣть его прїездъ къ русскимъ. Одинъ изъ нихъ выстрѣлилъ по цѣпи. Нѣсколько солдатъ отвѣтили имъ изъ цѣпи. Чеченцы отѣхали назадъ, и стрѣльба прекратилась; но когда Полторацкій подошелъ съ ротой, онъ велѣлъ стрѣлять, и только что была передана команда, по всей линіи цѣпи послышался непрерывный, веселый, бодрящій трескъ ружей, сопровождаемый красиво расходившимися дымками. Солдаты, радуясь развлечению, торопились заряжать и выпускали зарядъ за зарядомъ. Чеченцы, очевидно, почувствовали задоръ и, высакивая впередъ, одинъ за другимъ выпустили нѣсколько выстрѣловъ по солдатамъ. Одинъ изъ ихъ выстрѣловъ ранилъ солдата. Солдатъ этотъ былъ тотъ самый Авдеевъ, который былъ въ секрѣтѣ. Когда товарищи подошли къ нему, онъ лежалъ вверхъ спиной, держа обѣими руками рану въ животѣ, и, равномѣрно покачиваясь, тихо стоналъ.

— Только сталъ ружье заряжать, слышу, чикнуло, — говорилъ солдатъ, бывшій съ нимъ въ парѣ.—Смотрю, а онъ ружье выпустилъ.

Авдеевъ былъ изъ роты Полторацкаго. Увидавъ собравшуюся кучку солдатъ, Полторацкій подѣхалъ къ нимъ.

— Что, братъ, попало? — сказалъ онъ. — Куда?
Авдеевъ не отвѣчалъ.

— Только сталъ заряжать, ваше благородіе, — заговорилъ солдатъ, бывшій въ парѣ съ Авдеевымъ, — слышу, чикнуло, смотрю, — онъ ружье выпустилъ.

— Тé-те, — пощелкалъ языкомъ Полторацкій. — Что жъ, больно, Авдеевъ?

— Не больно, а итти не даетъ. Винца бы, ваше благородіе.

Водка, т.-е. спиртъ, который пили солдаты на Кавказѣ, нашелся, и Пановъ, строго нахмурившись, поднесъ Авдееву крышку спирта. Авдеевъ началъ пить, но тотчасъ же отстранилъ крышку рукою.

— Не принимаетъ душа, — сказалъ онъ, — пей самъ.

Пановъ допилъ спиртъ. Авдеевъ опять попытался подняться и опять опустился. Разстелили шинель и положили на нее Авдеева.

— Ваше благородіе, полковникъ ёдетъ, — сказалъ фельдфебель Полторацкому.

— Ну, ладно, распорядись ты, — сказалъ Полторацкій и, взмахнувъ плетью, побѣжалъ большой рысью навстрѣчу Воронцову.

Воронцовъ ёхалъ на своемъ аглицкомъ, кровномъ рыжемъ жеребцѣ, сопутствующимъ адъютантомъ полка, казакомъ и чеченцемъ-переводчикомъ.

— Что это у васъ? — спросилъ онъ Полторацкаго.

— Да вотъ выѣхала партія, напала на цѣпь, — отвѣчалъ ему Полторацкій.

— Ну, ну, и все вы затѣяли.

— Да не я, князь, — улыбаясь сказалъ Полторацкій, — сами лѣзли.

— Я слышалъ, солдата ранили?

— Да, очень жаль. Солдатъ хороший.

— Тяжело?

— Кажется, тяжело, — въ животъ.

— А я, вы знаете, куда ёду? — спросилъ Воронцовъ.

— Не знаю.

— Неужели не догадываетесь?..

— Нѣтъ.

— Хаджи-Муратъ вышелъ и сейчасъ встрѣтить насъ.

— Не можетъ быть!

— Вчера лазутчикъ отъ него былъ, — сказалъ Воронцовъ, съ трудомъ сдерживая улыбку радости. — Сейчасъ долженъ ждать

меня на Шалинской полянѣ, такъ вы разсыпьте стрѣлковъ до поляны и потомъ пріѣзжайте ко мнѣ.

— Слушаю, — сказалъ Полторацкій, приложивъ руку къ папахѣ, и поѣхалъ къ своей ротѣ. Самъ онъ свелъ цѣпь на правую сторону, съ лѣвой же стороны велѣлъ это сдѣлать фельдфебелю. Раненаго Авдеева между тѣмъ солдаты понесли въ крѣпость.

Полторацкій уже возвращался къ Воронцову, когда увидалъ сзади себя догоняющихъ его верховыхъ. Онъ остановился и подождалъ ихъ.

Впереди всѣхъ ѻхалъ на бѣлогривомъ конѣ, въ бѣлой черкескѣ, въ чалмѣ на папахѣ и въ отдѣланномъ золотомъ оружіи человѣкъ внушительный вида. Человѣкъ этотъ былъ Хаджи-Муратъ. Онъ подъѣхалъ къ Полторацкому и сказалъ ему что-то по-татарски. Полторацкій, поднявъ брови, развелъ руками въ знакъ того, что не понимаетъ, и улыбнулся. Хаджи-Муратъ отвѣтилъ улыбкой на улыбку, и улыбка эта поразила Полторацкаго своимъ дѣтскимъ добродушiemъ. Полторацкій никакъ не ожидалъ видѣть такого этого страшнаго горца. Онъ ожидалъ мрачнаго, сухого, чуждаго человѣка, а передъ нимъ былъ самый простой человѣкъ, улыбающійся такой доброй улыбкой, что онъ казался давно знакомымъ пріятелемъ. Только одно было въ немъ особенное: это были его широко разставленные глаза, которые внимательно, проницательно и спокойно смотрѣли въ глаза другимъ людямъ.

Свита Хаджи-Мурата состояла изъ четырехъ человѣкъ. Былъ въ этой свитѣ тотъ Ханъ-Магома, который нынче ночью ходилъ къ Воронцову. Это былъ румяный, съ черными, безъ вѣкъ, яркими глазами, круглолицый человѣкъ, сіяющій жизнерадостнымъ выражениемъ. Былъ еще коренастый, волосатый человѣкъ съ сросшимися бровями. Этотъ былъ тавлинецъ Ханефи, завѣдующій всемъ имуществомъ Хаджи-Мурата. Онъ вѣль съ собой заводную лошадь съ тugo наполненными переметными сумками. Особенно же выдѣлялись изъ свиты два человѣка: одинъ—молодой, тонкій, какъ женщина, въ поясѣ и широкій въ плечахъ, съ чуть пробивающейся русой бородкой, красавецъ, съ бараньими глазами, — это былъ Элдаръ, — и другой—кривой на одинъ глазъ, безъ бровей и бѣзъ рѣсницъ, съ рыжей подстриженной бородой и шрамомъ черезъ носъ и лицо, — чеченецъ Гамзало.

Полторацкій указалъ Хаджи-Мурату на показавшагося по дорогѣ Воронцова. Хаджи-Муратъ направился къ нему и, подъѣхавъ, приложилъ правую руку къ груди и сказалъ что-то по-татарски и остановился. Чеченецъ-переводчикъ перевелъ:

— Отдаюсь, говорить, на волю русскаго царя, хочу, говорить, послужить ему. Давно хотѣлъ, Шамиль не пускалъ.

Выслушавъ переводчика, Воронцовъ протянулъ руку въ замшевой перчаткѣ Хаджи-Мурату. Хаджи-Муратъ взглянула на эту руку, секунду помедлилъ, но потомъ крѣпко сжалъ ее и еще сказалъ что-то, глядя то на переводчика, то на Воронцова.

— Онъ говоритъ, ни къ кому не хотѣлъ выходить и только къ тебѣ, потому ты сынъ сардара. Тебя уважаетъ крѣпко.

Воронцовъ кивнулъ головой въ знакъ того, что благодарить. Хаджи-Муратъ еще сказалъ что-то, указывая на свою свиту.

— Онъ говоритъ, что люди эти, его мюриды, будутъ такъ же, какъ и онъ, служить русскимъ.

Воронцовъ оглянулся на нихъ, кивнулъ и имъ головой.

Веселый, черноглазый, безъ вѣкъ, чеченецъ Ханъ-Магома, также кивая головой, что-то, должно-быть, смѣшное проговорилъ Воронцову, потому что волосатый аварецъ оскалилъ улыбкой свои ярко-блѣлые зубы. Рыжий же Гамзало только блеснулъ на мгновеніе однимъ своимъ краснымъ глазомъ на Воронцова и опять уставился на уши своей лошади.

Когда Воронцовъ и Хаджи-Муратъ, сопутствуемые свитой, проѣзжали назадъ къ крѣпости, солдаты, снятые съ цѣпи, собравшись кучкой, дѣлали свои замѣчанія:

— Сколько душъ загубилъ, проклятый! Теперь, поди, какъ его ублаготворять будуть, — сказалъ одинъ.

— А то какъ же. Первый камандеръ у Шмеля былъ. Теперь небось.

— А молодчина, что говорить, джигитъ.

— А рыжій-то, рыжій,—какъ звѣрь, косится.

— Ухъ, собака, должно-быть.

Всѣ особенно замѣтили рыжаго.

Тамъ, гдѣ шла рубка, солдаты, бывшіе ближе къ дорогѣ, выѣгдали смотрѣть. Офицеръ крикнулъ на нихъ, но Воронцовъ остановилъ его.

— Пускай посмотрять своего старого знакомаго. Ты знаешь, кто это? — спросилъ Воронцовъ у ближе стоявшаго солдата, медленно выговаривая слова своимъ аглицкимъ акцентомъ.

— Никакъ нѣть-сь, ваше сіятельство.
— Хаджи-Муратъ, — слыхалъ?
— Какъ не слыхать, ваше сіятельство, били его много разъ.
— Ну, и отъ него доставалось.
— Такъ точно, ваше сіятельство, — отвѣтилъ солдатъ, довольный тѣмъ, что удалось поговорить съ начальникомъ.

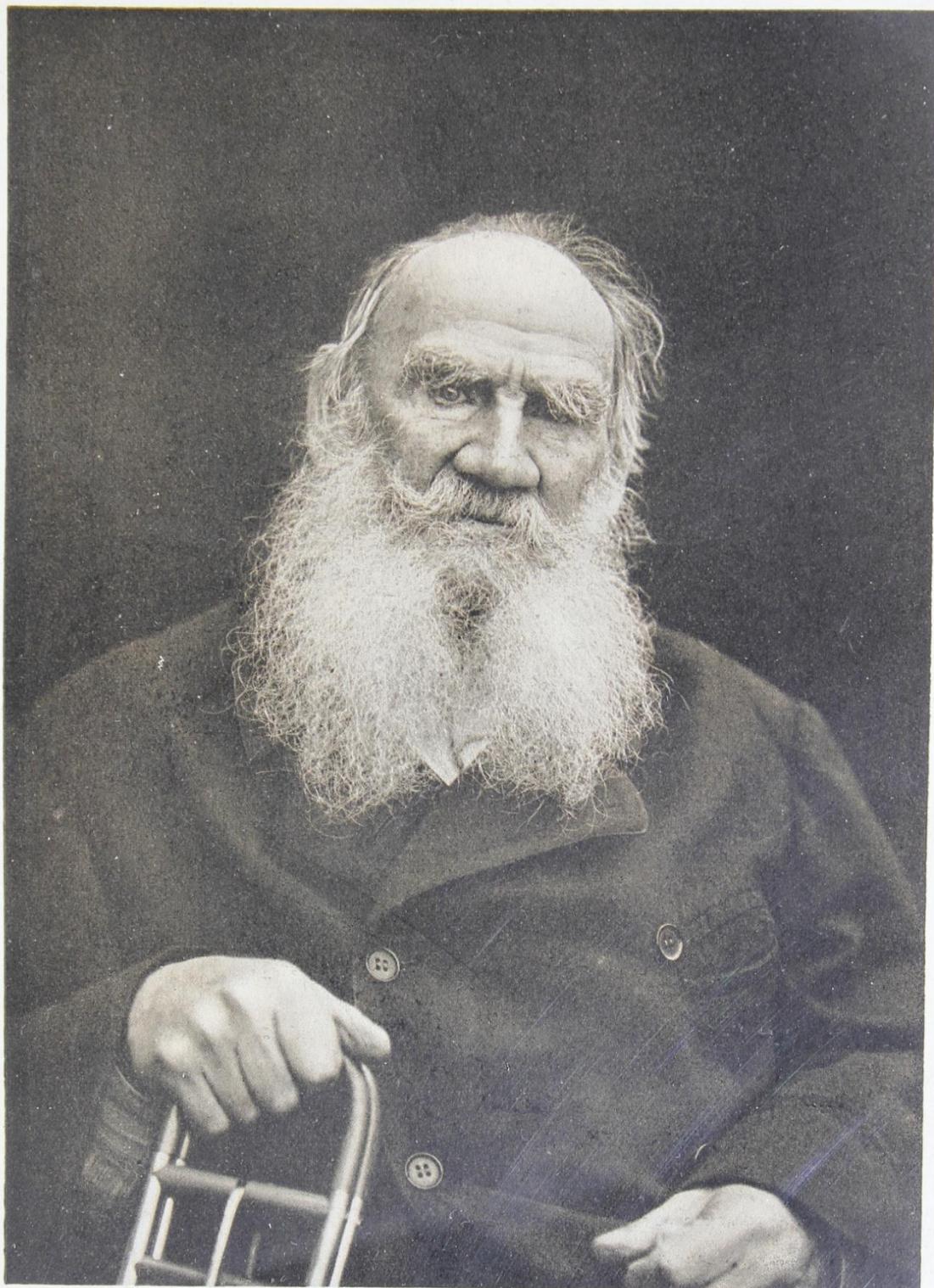
Хаджи-Муратъ понималъ, что говорять про него, и веселая улыбка свѣтилась въ его глазахъ. Воронцовъ въ самомъ веселомъ расположениіи духа вернулся въ крѣпость.

VI.

Воронцовъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что ему, именно ему, удалось выманить и принять главнаго, могущественнѣйшаго, второго послѣ Шамиля врага Россіи. Одно было непріятно: командающимъ войсками въ Воздвиженской былъ генералъ Меллеръ-Закомельскій, и по настоящему надо было черезъ него вести все дѣло. Воронцовъ же все сдѣлалъ самъ, не донося ему, такъ что могла выйти непріятность. И эта мысль отравляла немногого удовольствіе Воронцова.

Подѣхавъ къ своему дому, Воронцовъ поручилъ полковому адъютанту мюридовъ Хаджи-Мурата, а самъ ввелъ его къ себѣ въ домъ.

Княгиня Марья Васильевна, нарядная, улыбающаяся, вмѣстѣ съ сыномъ, шестилѣтнимъ красавцемъ, кудрявымъ мальчикомъ, встрѣтила Хаджи-Мурата въ гостиной, и Хаджи-Муратъ, приложивъ свои руки къ груди, нѣсколько торжественно сказалъ чрезъ переводчика, который вошелъ съ нимъ, что онъ считаетъ себя кунакомъ князя, такъ какъ онъ принялъ его къ себѣ, а что вся семья кунака такъ же священна для кунака, какъ и онъ самъ. И наружность и манеры Хаджи-Мурата понравились Марьѣ Васильевнѣ. То же, что онъ вспыхнулъ, покраснѣлъ, когда она подала ему свою большую блѣлую руку, еще болѣе расположило ее въ его пользу. Она предложила ему сѣсть и, спросивъ его,

ФОТОГР. В. ЧЕРТКОВА.

КРЕКШИНО 1909 г.

Мои члены сеизрещущих нас